

УДК 141.78:141.82

**Константин Николаевич
Любутин**

доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник
отдела философии
Учреждения Российской академии наук
Института философии и права
Уральского отделения РАН
г. Екатеринбург
(343) 358-18-19 enia@uralmail.com

**Петр Николаевич
Кондрашов**

кандидат философских наук, доцент,
докторант Учреждения
Российской академии наук
Института философии и права
Уральского отделения РАН
г. Екатеринбург
8-950-652-97-65 stif.lo@rambler.ru

**СОЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПОСТМОДЕРНИЗМА:
ПОПЫТКА МАРКСИСТСКОГО АНАЛИЗА**

В статье, на основе марксистской методологии историко-философского исследования делается попытка проанализировать социально-экономические и исторические причины возникновения постмодернизма. Авторы делают вывод, что постмодернистская философия является естественной формой интеллектуальной репрезентации современного глобализирующегося капитализма в сознании определенной части интеллигенции.

Постмодернизм, марксизм, критика и апология капитализма, детерминация общественного сознания и философии структурами общественного бытия.

Появление и широкое распространение постмодернизма для многих выглядит совершенно случайным и даже *невозможным*, ибо, казалось бы действительно, логика развития такова, что столь иррациональный тип мышления не может возникнуть в условиях тотальной рационализации всех сфер индивидуального и общественного бытия. В этом смысле генезис постмодернизма похож на появление религиозного фундаментализма в эпоху буржуазной секуляризации общественной жизни.

В силу такой внешней «случайности», эмерджентности появления постмодернизма многие исследователи считают, что подобного феномена вообще не существует, а все заявления «постмодернистов» о наступлении эпохи Пост – не более чем интеллектуальный нонсенс, представляющий собой неадекватно понятую «обратную сторону» Модерна.

В марксистской философии постмодернизм также воспринимается неоднозначно. Хотя многие известные постмодернисты (Ж. Деррида, Ж. Бодрийяр, Ф. Джеймисон) часто называют себя «марксистами», тем не менее, сегодня среди марксистов принято весьма резко критиковать постмодернизм за разного рода грехи: за его скрытую апологию буржуазности [9; 15; 20], преждевременность [18], устарелость [3] и даже шизофрению [5]. И эта критика большей частью оказывается *справедливой*.

Но самое главное, чего не делают, на наш взгляд, марксистские критики постмодернизма, так это то, что *не вскрывают* объективных (социально-экономических, социально-политических и культурных) корней этого философского направления. Одно дело, когда постмодернистов критикуют позитивисты, теологи, экзистенциалисты или естествоиспытатели [17], методы исследования которых а priori не предназначены для *объяснения* происхождения содержания наших идей из нашего же общественного бытия. Их «чисто философская» критика вполне может ограничиться выискиванием «противоречий» внутри постмодернистского дискурса. Но совершенно иное дело – *критика марксистская*. Весь пафос марксизма состоит как раз-то в том, что посредством методологии материалистического понимания истории любая философская идея не просто подвергается критике, но в первую очередь *объясняется необходимость ее появления* в структуре индивидуального/общественного сознания из осмысления тех бытийных структур, в которых живут люди, в чьих головах эта идея возникает [12, с. 24-26]. И только после этого объяснения генезиса философской идеи она должна подвергаться критике с точки зрения того, *отражает ли она адекватно ту реальность, в которой возникла в качестве ее отражения, или нет*.

Цель предлагаемой статьи – попытка *предварительной* экспликации социальных факторов, которые детерминировали появление постмодернизма как философского направления. *Предварительность* предпринимаемого разыскания предопределяет и некоторую схематичность рассмотрения предмета.

Сущность философии постмодернизма. Как известно, постмодернизм первоначально возник в эстетике, а именно в литературной критике, что и определило его дальнейшее содержание как философской мысли, ориентированной на анализ «текста». Первые признаки постмодернизма возникли после второй мировой войны в американской литературе и итальянской архитектуре, но только в конце 70-х – начале 80-х гг. XX в. он получает признание благодаря известной работе Ж.-Ф. Лиотара [11]. Начиная с этого времени постмодернизм «входит» в социологию и философию, постепенно становясь интеллектуальной модой.

Все особенности постмодернистского дискурса кратко выражаются в том, что сами постмодернисты называют *постмодернист-*

ской чувствительностью, под которой понимается «характерная для философии постмодернизма парадигмальная установка на восприятие мира в качестве хаоса» [13, с. 784]¹. Иначе это называют «*постметафизическим мышлением*», которое представляет собой «парадигмальную установку современной философии на отказ от презумпции возможности построения единой и системной концептуальной модели мира как в понятийном пространстве философии, так и в понятийном пространстве любой другой мыслительной системы (наука, теология, этика и т.д.)» [13, с. 777].

В действительности все разговоры постмодернистов о радикальной антисистемности их способа философствования – всего лишь декларации. В этом можно убедиться, проанализировав приведенную ниже таблицу, из которой видно, что все основополагающие установки и «презумпции» постмодернизма являются *простым логическим отрицанием* классических («модернистских») концепций. А коль скоро последние носят *системный* характер, то и их *сознательное* (логически выверенное) отрицание также будет *системным*. Это доказывается тем, что если какой-нибудь философ среди постмодернистов в той или иной степени признает какой-либо концепт ненавистной «классической метафизики», то он сразу же объявляется не-постмодернистом. Однако в этом можно увидеть прямое нарушение самого существа постмодернистской философии: если постмодернизм признает полную свободу и бесконечность интерпретаций процессов и явлений в качестве текста, то *одной из возможных* интерпретаций может быть интерпретация *логоцентрическая*, то есть метафизическая. Если же ей отказывают в существовании, то значит имеется некоторый *системный* критерий оценивания интерпретаций с точки зрения концептуального единства постмодернистской мысли. Последнее означает, что постмодернизм несмотря на всю свою рыхлость и видимую антисистемность *внутренне логически упорядочен и системен*.

В силу того, что постмодернизм всегда противопоставляет себя Модерну (вершиной которого постмодернисты считают тотально рационализированную систему Г.В.Ф. Гегеля), то и понять его суть можно только в сравнительном анализе с философскими принципами Модерна. Представим это соотношение в виде таблицы 1.

Истоки постмодернистской философии. Что же является *социально детерминирующей основой* и *условием* возникновения такой в высшей степени своеобразной философской теории и вообще такого мировоззрения и мироощущения? Здесь мы можем, не

¹ «Специфическое видение мира как хаоса, лишенного причинно-следственных связей и ценностных ориентиров, “мира децентрированного”, предстающего сознанию лишь в виде иерархически неупорядоченных фрагментов, и получило определение “постмодернистской чувствительности” как ключевого понятия постмодернизма» [8, с. 205].

вдаваясь в слишком пространный историко-философский анализ, выделить следующие, на наш взгляд, ключевые моменты.

Таблица 1

Модернизм	Постмодернизм
Презумпция (предположение) возможности построения референциально понятой картины мира	Презумпция «запрета на метафизику» в условиях принципиальной мозаичности и семиотической вторичности мира в постмодернистской его проекции
Ориентация на линейный детерминизм, предполагающий применительно к любому феномену и процессу наличие исчерпывающе объясняющей его внешней причины	Презумпция отказа от идеи внешней принудительной каузальности и переориентация на видение предметности как находящейся в процессе самоорганизации
Понимание детерминизма как принудительной каузальности, причинения извне	Новое понимание детерминизма, основанное на идее принципиальной случайности сингулярного события
Презумпция целесообразности как протекания общего мирового процесса, так и отдельно взятых событий	Презумпция отказа от семантических фигур телеологического характера
Презумпция мышления в рамках жестких бинарных (как правило, асимметрично интерпретируемых) оппозиций, одним из фундаментальных проявлений которой выступает маскулинный характер культуры западного образца	Презумпция программного отказа от бинарных оппозиций типа объект–субъект, Запад–Восток, мужское–женское
Имплицитная ориентация западной традиции на тот пласт языка, который представлен в звучании голоса (фоноцентризм)	Акцент не на голос, озвучивающий имманентный тексту смысл, а на сам текст как нестабильную среду генерации смысла
Презумпция наличия глубинного имманентного смысла как бытия в целом, так и отдельных явлений (логоцентризм)	Презумпция отсутствия имманентного миру смысла, логики бытия, которая могла бы быть эксплицирована в когнитивных актах, понятиях как герменевтические
Презумпция жестко структурной организации бытия	Рассмотрение предметности в качестве аструктурной (ризома)
Социальный и исторический процесс рассматриваются как имеющие имманентную логику (даже в рамках иррационалистических концепций)	Отказ от презумпции наличия имманентной логики истории
Мир (бытие) рассматривается как объективно/субъективно существующая реальность, которая эксплицируется рефлектирующим и репрезентирующим образом, результаты чего интерпретируются субъектом на основании закономерностей функционирования самого мира, которые могут быть описаны в виде текста	Мир – это <i>текст</i> , который свободно и бес-субъектно («смерть автора») интерпретируется на основе самопорождения смыслов: постмодернизм утверждает «абсолютную независимость интерпретации от текста и текста от интерпретации». По оценке Ж. Деррида, реально имеет место не интерпретационная деятельность субъекта, но «моменты самоистолкования мысли» [13, с. 935]
<i>Смысл</i> понимается как нечто, принадлежащее предметности и выявляемое в процессах познания и понимания способов функционирования этой предметности в бытийных структурах (например смысл действий лесоруба можно понять только в контексте его практики, мотивации, целеполагания и т.д.)	«Смысл понимается постмодернизмом не как имманентный объекту (миру, тексту) и подлежащий экспликации, но как результат произвольно реализуемых дискурсивных практик» [13, с. 777]. М. Фуко постулирует тотальное отсутствие «смысла» бытия мироздания; в социальной философии постмодернистская философия отказывается «признать за текстом (и за всем миром как текстом) какую-либо “тайну”, то есть окончательный смысл» (Р. Барт)

Окончание табл. 1

<p>Модернистская традиция признает то, что словам и текстам соответствует какая-то реальность, находящаяся вне их (денотат, предметный коррелят понятий, референт), то есть то, что «текст» имеет фундаментальную соотнесенность с бытием или выраженность бытия в нем (имеется связь между означаемым и означающим)</p>	<p>Постмодернизм радикально отказывается от концепции и практики референции: вне текста не существует никакого внетекстового (онтологического, предметного) референта [13, с. 710-711]: «Постмодернистская презумпция отказа от референции дезавуирует якобы изоморфную адекватность текстовой семантики descriбируемому событию, ее фундаментальную отнесенность к бытию или выраженность бытия в ней. Поскольку в постмодернистской системе отсчета человек не существует вне текста, постольку невозможна интерпретация текста в классическом ее понимании: как взгляд извне» [13, с. 1057].</p>
<p>В силу всего этого, классическая традиция признает, что по ту сторону явлений стоит, находится некоторая сущность, которая эксплицирует себя в форме явления, и задача науки – пробиться сквозь поверхность явления и выйти к сущности предметности.</p>	<p>В силу всех этих «презумпций», постмодернистская философия сознательно отказывается от идеи «глубины» «как 1) в пространственном отношении: топография постмодернизма фундирована презумпцией плоскости, так и 2) в отношении когнитивном: постмодернистская теория познания основана на идее отсутствия “глубины” объекта (в данном случае термин “глубина” метафорически фиксирует характерную для классической метафизики ориентацию на поиск ноуминальной сущности объекта)» [13, с. 765].</p>

В силу того, что постмодернизм возникает в наиболее развитых капиталистических странах, характеризуемых сегодня как *постиндустриальные*, а также в силу того, что современный капитализм давным-давно вышел из национальных рамок и конституировался как капитализм *транснациональный*, то социально-экономическая основа, которая детерминирует мысль, в современных условиях должна исследоваться совершенно иначе, нежели это делалось ранее, до середины XX в. Тогда достаточно было изучить социально-экономический строй одного государства или небольшого региона, чтобы увидеть весь бытийный комплекс в его тотальности и объяснить основные базисные интенции той или иной теории. Сегодня такого анализа совершенно недостаточно. В современных условиях *глобализации* необходим *глобальный* анализ всех бытийных условий человеческого присутствия.

Метафорически можно сказать так: если классический марксизм был теорией зрелого капитализма, ленинизм – теорией капитализма эпохи империализма, то постмодернизм является теоретическим выражением эпохи *капитализма глобализирующегося*. Безусловно, развитие капитализма начиная с XVI в. представляет собой тяжелый, но все же в целом *непрерывный процесс «втягивания»*

стран всего мира в сферу капиталистической экономики. И в этом смысле капитализм изначально характеризуется моментом *глобализации*. Но при этом надо четко различать *разные* ступени этой глобализации, развертывающейся в рамках всемирно-исторического развития. Так, первоначально (XVI – середина XVIII в.) в структуры капитализма постепенно втягивались отдельные предприятия и отрасли экономики *одного государства*, то есть «глобализация» представляла собой внутригосударственную диверсификацию капиталистического типа хозяйства. Параллельно с этим процессом, конечно, развивались и межгосударственные капиталистические контакты, но только после промышленной революции XVIII в. в Англии начал складываться действительно «мировой рынок», но пока только в странах Западной Европы (вместе с некоторыми их колониями, например Индией). XIX в. охарактеризовался проникновением капитализма в страны Восточной Европы (достаточно вспомнить отмену крепостного права в России в 1861 г.) и широкой экспансией капитализма в сельское хозяйство. Период конца XIX – середины XX в. ознаменовался возникновением *империализма*. Но и здесь глобализационные процессы еще не вышли за рамки собственно атлантического региона с их метрополиями. Но если первая мировая война была еще все-таки войной по преимуществу *европейской*, то вторая мировая война принесла *качественно новый этап развертывания глобализации*. Прежде всего это выразилось в создании после войны глобальных систем капитализма и социализма (вместе с их экономическими и военными блоками, включающими страны всех регионов мира), которые в рамках осуществляемых идеологий предлагали не какие-то частичные усовершенствования и реформы для отдельных стран или регионов, а изначально претендовали на *преобразование всего мира в целомю*. Это были *глобальные идеологии*.

До второй половины XX в. основным показателем глобализационного процесса было формирование *мирового рынка*, то есть чисто экономический фактор. Начиная же со второй половины XX в. к экономической составляющей присоединяются еще и такие формы глобальной интеграции, как *политико-идеологическая* (сегодня это глобальный неолиберальный проект), *культурная* (унификация национальных культур в духе массовой культуры) и *повседневно-бытовая* (стандартизация образа жизни в соответствии с рекламными образцами).

К.-Х. Рот замечает: «В конце 60-х – начале 70-х гг. борьба рабочих и социальные бунты ввергли капитализм во всех его вариантах (развивающихся режимов, “замкнутых торговых государств” Востока и зрелых метрополий) в системный кризис... Благодаря этому вызову сложилась новая реальность: капитализм впервые в своей истории действительно начал охватывать весь Земной шар, пусть даже сфера “реального социализма” оставалась для него пока

что закрытой. Эпохальная экспансия торговых потоков способствовала развитию товарных капиталов и “потребительского” типа поведения в самых отдаленных уголках планеты. За этим последовал взлет транснациональных фирм, которые или непосредственно экспортировали капиталы, или участвовали в создании “совместных предприятий” вне зон своего происхождения, и теперь уже развивающиеся страны также подключались к общей модели накопления. Одновременно началась аграрно-капиталистическая трансформация постколониальных территорий. Но прежде всего приобрела международное значение финансовая сфера; она открыла новые денежные рынки вне тогдашних монетарных контрольных систем» [16].

Таким образом, современный этап капиталистической глобализации оказывается не просто расширением капиталистического способа производства отдельных стран на те или иные регионы, но, во-первых, он *действительно охватывает весь мир* [*Globalisierung, globalize*], ибо капиталистическое производство и вообще капитал вышли за пределы североатлантической области и втянули в свои сети весь мир, включая даже некапиталистические страны; во-вторых, он диверсифицируется и проникает во все сферы социального бытия. То есть современный капитализм и внешне, и внутренне оказывается капитализмом *глобализирующимся*, экстраполируясь на макро- и микромир. Такого рода всепроникающую тотальную глобализацию мы называем *структурной глобализацией*.

Если ранний и классический капитализм вносили в жизнь *упорядоченность* посредством фабричной и конвейерной систем, то в период структурной глобализации эта упорядоченность разрушается и конституируется *хаос*.

Все это экзистенциально переживается индивидами и соответствующим образом отражается, репрезентируется в структурах их индивидуального и общественного сознания. На наш взгляд, именно постмодернизм явился своеобразным интеллектуальным отражением (*пост*)*современного* капитализма эпохи структурной (тотальной) глобализации. Именно постмодернистские теоретики по сути дела *первыми* отрефлектировали процесс структурной глобализации сначала в форме искусства, а затем и в форме теории.

Что же это за экономические (базисные) условия, которые породили постмодернистскую чувственность? На наш взгляд, в структуре и механизмах современного капитализма можно выделить следующие специфические черты, которые фундаментально повлияли на становление постмодернистского типа мышления и постмодернистской философии в особенности.

С поверхностной точки зрения, в таком глобальном капитализме совершенно не просматривается никакого «центра» принятия решений и получения прибыли (роль которого раньше выполняла буржуазная олигархия, сращенная с государством [10]). Более того,

формально в современном капитализме, как и в его *любой форме*, базовым способом организации хозяйственного процесса является частная собственность на средства производства. Но и в этом казалось бы признаваемом всеми моменте также существует «глобализационная» специфика, относительно которой известный словенский теоретик С. Жижек замечает: «В статусе частной собственности происходят важные сдвиги: последнее звено в цепи капиталовложений – фирмы или люди, которые “на самом деле владеют” средствами производства, – больше не является основной составляющей власти и контроля. Идеальный капиталист сегодня действует совершенно иначе: он вкладывает взятые в займы деньги, ничем “на самом деле” не владея (даже долгом), но все же распоряжается вещами. Корпорация принадлежит еще одной корпорации, которая в свою очередь заняла деньги у банка, который в конечном итоге распоряжается деньгами, принадлежащими простым людям вроде нас с вами» [6].

В связи с этими процессами в сознании рефлектирующих индивидов *размывается* понятие «собственника». В той же степени начинают размываться понятия «наемного работника» и «рабочего»: можно ли считать «наемным» работника, который одновременно является акционером (*совладельцем*) того предприятия, на котором он работает? Являются ли *рабочими* работники сферы обслуживания и инженеры?

В период бурного развития левого постмодернизма в 80-е гг. XX в. в США при президенте Р. Рейгане по стране прокатилась сильнейшая волна банкротств, которая наглядно продемонстрировала случайность лифтов восходящей и нисходящей социальной мобильности: можно совершенно случайно превратиться из нищего в миллионера, и точно так же совершенно случайно под влиянием стихийности рынка – из миллионера в нищего. Эмоциональный резонанс такого положения дел очевиден: люди теряют почву под ногами, чувствуя «эфемерность» казалось бы вполне устойчивых социальных порядков, испытывая экзистенциальную тревогу.

Еще одной стороной структурной глобализации является распределение производств по всему миру, образование транснациональных корпораций. Сегодня, например, японскими считаются товары, которые сделаны из сырья, добытого в России, обработанного в Китае, и собранные в Корее. К собственно Японии они никакого прямого отношения не имеют. Интересно заметить, что крупные капиталистические концерны, как правило, в странах периферии и полупериферии располагают наиболее экологически опасные и трудоемкие производства, выкачивая прибавочную стоимость из населения этих стран за счет дешевой рабочей силы. В итоге – национальная капиталистическая экономика опять-таки размывается в глобализационном процессе, теряя свой *центр*.

Другим аспектом, способствующим еще большей «размытости» современной экономической структуры, оказывается демографический кризис в странах центра миросистемы, порожденный, с одной стороны, падением колониальной системы, с другой – отказом большинства европейских и североамериканских семей заводить детей в количествах, хотя бы воспроизводящих наличный уровень населения. Женщины в Европе предпочитают заниматься карьерой, а не детьми и семьей. Два этих фактора способствуют увеличению миграции из периферийных стран в страны капиталистического центра, в результате которой «внутренний демографический баланс государств Севера радикально изменится, и можно ожидать острого социального конфликта» [4, с. 138].

Все эти собственно экономические феномены, осознанные интеллектуалами, детерминируют формирование чувства «рыхлости», «размытости», *аструктурности* базисных структур капиталистического миропорядка, в котором оказывается невозможным найти какой-либо «центр», какую-либо «ось», вокруг которых бы выстраивалось все социальное бытие, подобно тому, как это имело место в феодальную и раннекапиталистическую эпохи. Интеллектуальным выражением этого чувства оказывается базисная для постмодернизма форма *постмодернистской чувственности*. Не видеть внутренней связи между этими двумя сторонами бытийного процесса (современной формой капитализма и постмодернистским мышлением) значит быть интеллектуально слепым.

Экономическое развитие капитализма, проходящее через стадии империализма и структурной глобализации, в конце концов привело к идеологической дискредитации идей Просвещения, а именно идей прогресса, которыми предполагалось постепенное достижение политического и экономического равенства. Такие чудовищные события XX в., как две мировые войны, холокост, бесчеловечные диктатуры Гитлера, Сталина, Мао Цзэдуна, Пиночета и Пол Пота; смерть миллионов людей от голода в Африке и Азии, в то время как в Европе и США огромные излишки продуктов питания просто уничтожаются; гонка вооружений и использование атомной энергии, химии и бактерий в военных целях; распространение терроризма и массового насилия – все это заставило усомниться в гуманистических идеях Просвещения (Модерна).

В идеологическом отношении современный капитализм породил специфическую форму бытия классового общества, которую А. Грамши назвал *гегемонией*, а Г. Маркузе – *счастливым сознанием и репрессивной толерантностью* [22]. Дело в том, что рабочий класс, рассматриваемый в качестве наиболее революционной силы в структуре буржуазного общества, *встроился* в эти структуры, «обменяв» свою возможную свободу и подлинную человечность на ог-

раниченные блага вроде избирательных прав, «социального пакета» и гарантированной заработной платы.

Капитализм современного типа, в отличие от классического капитализма, ориентированного на производство, направлен в первую очередь на *потребительство*. Именно эта консьюмеристская метаморфоза капитализма, позволяющая ему постоянно выживать, и дала толчок к конституированию постмодернистской критики искусства как *потребляемого товара*. Если модернистское искусство несло в себе просвещение, эстетическое удовлетворение и воспитание эстетического вкуса, то современное искусство (в большей степени оказывающееся всего лишь *модой*) не включает в себе никаких идей. Оно есть только товар, подлежащий потреблению. Критика потребительского общества, данная, например, Ф. Джеймисоном и Ж. Бодрийяром, на наш взгляд, является наиболее ценным в постмодернизме вообще.

Еще одним немаловажным объективным условием возникновения постмодернизма явился «виртуальный» характер современного мирового рынка, что выражается в том, что *на поверхности* экономическая деятельность эксплицирует себя не в производственных формах, а в формах движения ценных бумаг, взлета и падения фишек, курсов валют, спекулятивных игр на биржах и фондовых площадках. Как и потребительское искусство, виртуализированная поверхность экономики создает иллюзию того, что все эти формы человеческой деятельности не имеют никакого праксеологического и вещественного субстрата, а представляют чистые акты «символического обмена». «На место материальности вещей и идеальности ценностей пришла новая семиотика мира. Промышленность и рынок, искусство и наука – буквально все сферы производства нынче создают исключительно символические ценности, а точнее, знаки» [2, с. 18].

Поверхностный взгляд на подобные явления рано или поздно приводит к мысли, что все в этом мире суть символы, знаки, коды, которые необходимо декодировать и интерпретировать. Постмодернистская (и даже структуралистская) идея о том, что мир – это текст, берет свой исток именно из этих экономических и культурных отношений.

Размытость экономических структур современного капитализма и классовой структуры буржуазного общества, «виртуализация» (например в рамках Internet'a) ранее непосредственных связей и отношений между индивидами создают *видимость* [Schein] «исчезновения субъекта» и «смерти автора»¹. Действительно, наблю-

¹ Если автор умер, а скриптор не существует вне текста, то почему же тогда все постмодернистские «писатели» (не *авторы*, ибо *авторов нет!*) публикуют свои статьи и книги за *гонорар*, который является не каким-то пресловутым «*текстом*», а конкретным презренным металлом? Более того, на свои произведения они оформляют *авторское* право и считают их своей (*авторской*) интеллектуаль-

дая по ТВ за «падением голубых фишек» или «инвестиционной политикой», по ту сторону этих явлений *не увидишь* никаких действующих лиц (рабочих, крестьян, инженеров, служащих), которые занимаются *производством*. Внешне современная экономика – это экономика *рынков*, а не производств. В силу же того, что рынки требуют *рекламы товаров*, то основным моментом ее (экономики) становится обезличенная массовая пропаганда чисто «брендового» потребления. А реклама – это *символическая, знаковая* деятельность. Отсюда – постмодернистская метафора *смерти субъекта*, а также бодрийяровская концепция «*политической экономики знака*».

Распад колониальной системы империализма, трудовые миграции, национально-освободительное движение в бывших колониях, вступление женщин в производственный процесс (которое привело к предоставлению им избирательных прав и равноправия с мужчинами), открытие антропологами примитивных культур, формирование детской психологии и психиатрии, расширение межнациональных контактов и т.д. породили *интерес к Другому*. Это касается не только собственно постмодернистов (Э. Левинас, Ю. Кристева, Ж. Деррида), но и вообще философии XX в. (М. Бубер, О.Ф. Больнов, П. Тиллих, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр, неомарксизм, *cultural studies*, постколониальные исследования). Но именно в рамках постмодернистской философии возникла особая исследовательская программа по анализу феномена Другого – *гетерология* (Т.Х. Керимов).

Конститутивный момент, порождающий постмодернизм, который никак нельзя упустить в рамках *марксистского* анализа, – *классовая детерминация мышления*. Философский постмодернизм возник в среде леворадикально настроенной *творческой интеллигенции*, а именно в среде литературоведов (постструктурализм и деконструктивизм во Франции, США и Британии), которые очень *чутко* восприняли и поняли происходящие в мире радикальные сдвиги в структурах современного капитализма, культуры и современной науки. Именно это *социальное положение* родоначальников постмодернизма (университетские профессора литературоведения) детерминировало точку зрения на мир как на *текст*. Интересную историко-философскую параллель в этом отношении можно провести между постмодернистами и средневековыми мыслителями, рассматривающими мир как *раскрытую книгу бытия*. И те, и другие, *оторванные от ре-*

ной собственностью! Выходит, что «теория» противоречит простой жизненной «практике»: в «теории» мы – постмодернисты, признающие мир текстом, у которого нет автора и который семантически конституируется путем самопорождения через интерпретативные дискурсивные практики, которые в свою очередь не подчиняются никакой «логике», но вот в обыденной жизни, в «практике» все эти теоретики-постмодернисты превращаются в обычных буржуазных мещан, стремящихся к набиванию карманов *авторскими гонорарами*, то есть живут сообразно с вполне определенной *логикой* капитализма.

альной жизни и от собственно мира, мыслят эту жизнь и этот мир как текст с точки зрения непосредственных повседневных занятий (экзегетика Священного писания схоластов и литературная критика постмодернистов). Как говорится, если собаке намазать нос сыром, то она будет весь мир считать сделанным из сыра.

Здесь, однако, следует сделать существенное замечание. Действительно, марксизм считает, что содержание сознания детерминруется содержанием и структурами социального бытия. Но при этом нельзя вульгаризировать данное положение, доводя его до примитивного уровня: «что вижу, о том и пою». Постмодернизм возникает в среде интеллектуалов, совершенно оторванных от народной жизни, однако после конституирования и институционального оформления он становится доступным для широких масс, приобретает статус общественного сознания. Но тем не менее он так и не нашел широкого отклика у народных масс, подобно, скажем, марксизму, хотя многие теоретики постмодернизма открыто называли себя «марксистами». Хотя надо признать, что для большинства постмодернистов марксизм – это всего лишь интеллектуально-эстетическая *игра* с текстами Маркса, в то время как *подлинный* марксизм представляет собой не игру со словами и смыслами, а борьбу против всех форм отчуждения, в том числе и борьбу теоретическую. И связано это не столько с труднопонимаемой эзотерической терминологией постмодернистского дискурса, сколько с действительной оторванностью постмодернизма (даже в его марксистском преломлении) от реальной жизни народа. Большинство постмодернистских философов – академические преподаватели и ученые, которые в своей непосредственной жизни фактически никогда не выходят за пределы университетских городков. Возможно, единственным исключением в этом отношении является П. Бурдьё, многие социологические исследования которого посвящены анализу реально существующей нищеты, в отличие от эмпирически бессмысленных разысканий преподавателя социологии Ж. Бодрийяра.

В силу того, что интеллигенция не является такой социальной группой, которая бы имела свои собственные классовые интересы, она, занимая особое место в социальной структуре, *объективно* идеологически обслуживает интересы тех или иных классов, оформляя эти интересы в теоретической форме. Более того, сами постмодернисты всегда открыто позиционируют себя как политически ангажированных мыслителей. Современный капитализм можно интерпретировать из двух перспектив.

С одной стороны, можно, встроившись в структуры неолиберального глобализма, анализировать экономическую, политическую и культурную сферы капиталистического общества с точки зрения самого этого общества. Такой «имманентный» способ анализа в любом случае оказывается апологетическим, ибо не выходит за рамки

наличной действительности. Если в нем даже и содержится критический пафос, то он никоим образом не взрывает репрессивные структуры буржуазности. Напротив, в определенном смысле он их упрочняет и седиментирует, создавая основу для тотальной гегемонии господствующего класса. Именно такую функцию, как нам представляется, выполняют работы некоторых «левых» [19; 21]. Как верно заметил Дж. Петрас: «После чтения “Империи” не удивляешься, почему Time и New York Times приветствовали эту книгу. В духе общей глобалистской псевдо-теории, авторы “Империи” утверждают, что глобализация – это прогрессивное движение истории. Такая позиция требует интеллектуального упразднения империализма и возникновения системной альтернативы в рамках аморфного “множества”, то есть масс, не имеющих достаточного структурного единства и политической организации, необходимой для современной революционной борьбы. Ряд цитат бесчисленного множества мыслителей в книге прославляют конституционализм США, в то время как его лидеры бомбят Афганистан, его крестьян и рабочих, загоняя их в каменный век, когда Ирак и Югославия уже оказались в железном веке» [14].

За внешней революционностью подобных практик стоит внутреннее подчинение господствующему дискурсу: «Вот почему американскую модель приветствуют правые и, к сожалению, некоторые сегменты левой, включая Хардта и Негри, побежденных империализмом. В этих двух тезисах, “Империи” (“империализм устарел”) и “Множества” (“индивид стал субъектом истории”), Хардт и Негри демонстрируют свою покорность. Для них нет альтернативы замещения тупика нынешней фазы капиталистического развития. С ним можно бороться только интегрировавшись в него. Это – идеология нашего периода поражения, периода, который до сих пор не преодолен. Это идеология социал-демократии, побежденной либерализмом, европейцев, побежденных атлантизмом. Ренессанс левой, достойной этого имени, способной вдохновить и осуществить прогресс ради блага людей, требует радикального разрыва с этой идеологией» [1].

С другой стороны, основная часть постмодернизма развивается в противовес вышеприведенной позиции А. Негри и М. Хардта, и своим проникновенным анализом вскрывает тело глобального капитализма в его различных формах. Такой постмодернизм несет *протест* и представляет собой постепенно конституирующийся *альтернативный дискурс*, в рамках которого, возможно, вскоре сформируется новая гуманитарная языковая парадигма, разрушающая репрессивность господствующих и угнетающих языковых практик буржуазной тотальности, освобождающая сознание масс для разработки альтернативного глобального миропорядка, в котором будут уничтожены насилие, эксплуатация и отчуждение.

Постмодернизм, считает И. Валлерстайн, – это «способ отрицания современности технологии¹ ради современности освобождения². Если он и отливается в причудливую языковую форму, то потому, что постмодернисты ищут способ вырваться из языковой хватки, которой либеральная идеология держит наш дискурс. В качестве экспликативного понятия постмодернизм без сомнения наделен даром предвидения. Ибо мы и в самом деле движемся в направлении другой исторической системы. Современная миросистема близится к своему концу. Потребуется, однако, по меньшей мере еще пятьдесят лет предсмертного кризиса, то есть “хаоса”, прежде чем мы сможем надеяться выйти к новому социальному порядку» [4, с. 139-140].

И, наконец, последний аспект постмодернизма. Представление мира в виде текста, обусловленное и порожденное социальным положением, профессиональной и повседневной деятельностью постмодернистских теоретиков как университетских профессоров и бытовых интеллектуалов, живущих в мире книг и телевидения, в мире *виртуальном*, привело их к формулировке *особой исследовательской методологии*.

Постмодернизм, схватывая внешние, поверхностные структуры общественного бытия, останавливается на простой дескрипции этой феноменальности. Безусловно, подобный анализ открывает новые, ранее невидимые аспекты бытия. Но в *научном* отношении подобной «феноменологии» оказывается совершенно недостаточно, ибо наука предполагает переход от дескрипции поверхности (явления) к экспликации сущности, которая стоит «по ту сторону» феноменальной данности. Так, за внешней рациональностью капитализма лежит иррациональность рынка, которую, в свою очередь, порождают вполне рациональные действия отдельных капиталистов, основывающиеся опять-таки на радикально иррациональной страсти к наживе. По ту сторону «виртуальной экономики» стоят *действительные, живые люди*, производящие конкретные товары и услуги, губящие свою жизнь на азиатских потогонках и задыхающиеся на вредных производствах. По ту сторону «виртуальной войны»³ находятся солдаты, погибающие в бою. Постмодернизм же отказывается это видеть, ибо он *a priori* отрицает какую бы то ни было референ-

¹ Под технологией он понимает *материальную* современность прогресса в технологической сфере (постоянно появляются передовые технологии, а то, что еще вчера было современным, сегодня устаревает). Ее современность предполагает бесконечность технологического прогресса, таит в себе потенциальную власть над природой и удовлетворение всех человеческих потребностей.

² Современность освобождения – *идеологическая* современность, означающая антисредневековье, антимракобесие, торжество человеческой свободы в борьбе против рабства, против сил зла и невежества. И здесь имманентно мыслится необратимый поступательный прогресс в постоянном росте свободы и демократии.

³ «Мир превратился в знаковую, виртуальную реальность. Это проявляется даже в таком серьезном деле, как война» [2, с. 20].

циальную связь между явлением и сущностью, причиной и следствием, означаемым и означающим.

Выводы. Все указанные выше процессы, происходящие в современном обществе, расшатывают прежнюю упорядоченность социального универсума и конституируют чувство темпоральной и экзистенциальной *неуверенности*, чувство *кризиса* [7, стб. 764-765]. Аструктурность, дисбалансированность экономического порядка корпоративного капитализма эпохи структурной глобализации, кризис идей Просвещения, кризисные (но продуктивные) процессы в науке, «виртуализация» непосредственных (экономических, культурных, межличностных) отношений, массовизация и анонимизация индивидов, видимость бессубъектности социально-бытийных процессов, формирование общества массового потребления, тотализирующаяся аномия и т.д. – все это рефлектируется в сознании определенной части творческой *интеллигенции* наиболее развитых капиталистических стран в виде *постмодернистской чувственности* и *постметафизического мышления* и детерминирует представление о *хаотической* и *ризоматической* структуре мира.

Это и есть объективные социальные основания появления постмодернизма, связанные с динамикой, содержанием и логикой современного, позднего (по выражению Ф. Джеймисона) капитализма, переходящего из индустриальной фазы в фазу постиндустриального капитализма и выраженного в феномене структурной глобализации. Именно отражением этого переходного момента и является философия постмодернизма, репрезентирующая в себе крах многих надежд, связанных с идеологиями индустриального общества (Модерна). Таким образом, постмодернизм оказывается вовсе не случайным явлением в духовной жизни современного общества, как считают многие исследователи, напротив, он – законное дитя своего времени, хотя и несколько экзальтированное и болезненное. Впрочем, как говорил Маркс, извращенное сознание есть результат извращенности самого социального бытия [12].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Амин С. Постимпериалистическая Империя или новая экспансия империализма? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://left.ru/2006/5/amin139.phtml> (проверено 7.09.2009).
2. Бодрийяр Ж. Америка. СПб.: Изд-во «Владимир Даль», 2000. 206 с.
3. Бузгалин А.В. Постмодернизм устарел... // Вопросы философии, 2004. № 2. С. 3-15.
4. Валлерстайн И. После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003. 256 с.
5. Гобозов И.А. Философия и шизофрения // Философия и общество, 2007. № 4. С. 5-16.
6. Жижек С. Станет ли «Империя» Майкла Хардта и Антонио Негри «Коммунистическим манифестом» двадцать первого века? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.politizdat.ru/article/43/> (проверено 7.09.2009).

7. Ильин И.П. Постмодернизм // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПК «Интелвак», 2001. Стб. 764-766.
8. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996. 256 с.
9. Каллиникос А. Антикапиталистический манифест. М.: Праксис, 2005. 196 с.
10. Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. М.: Политиздат, 1979. Т. 27. 515 с.
11. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Ин-т экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. М.: Политиздат, 1955. Т. 3. 630 с.
13. Новейший философский словарь. Мн.: Книжный Дом, 2001. 1280 с.
14. Петрас Дж. Другое имя розы? Аромат империализма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://left.ru/2004/10/petras109.html> (проверено 7.09.2009).
15. Петрас Дж. Марксистская критика постмарксизма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.left.ru/2004/15/petras114.html> (проверено 7.09.2009).
16. Рот К.-Х. Глобализация [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.avtonom.org/lib/theory/rot_globalisation.html (проверено 7.09.2009).
17. Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. 248 с.
18. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Вопросы философии, 1992. № 4. С. 40-53.
19. Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. 440 с.
20. Callincos A. Against Postmodernism: A Marxist Critique. Cambridge: Polity, 1989. P. 207.
21. Hardt M., Negri A. Multitude: War and Democracy in the Age of Empire. New York: Penguin, 2004. 496 с.
22. Marcuse H. Repressive Tolerance // Wolff R. P., Moore B., jr., Marcuse H. A Critique of Pure Tolerance. Boston: Beacon Press, 1969. P. 81-123.

RESUME

Konstantin Nikolaevich Lubutin, Doctor of philosophy, full professor, principal researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg, (343) 358-18-19, enia@uralmail.com.

Pyotr Nikolaevich Kondrashov, Candidate of philosophy, assistant professor, post-doctoral student, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Science, Ekaterinburg, 8-950-652-97-65, stif.lo@rambler.ru

The social foundations of Postmodernism: the attempt of Marxist analysis

Grounding on Marxist methodology of historical-philosophical investigation, authors analyze socio-economic and historical reasons of the beginning of Postmodernism. Authors conclude that Postmodernist philosophy is a natural form of mental representation of globalizing capitalism in the consciousness of certain part of intellectuals.

Postmodernism, marxism, critique and apologia of capitalism, determination of social consciousness and philosophy by structures of social being.

Материал поступил в редколлегию 27.04.2009 г.